

под пули врага, и политуки закрывали на это глаза. Да и сами шептали что-то, явно не устав партии или цитаты из работы Ленина «Что делать?». Странное это было сочетание: с одной стороны мат, ругань, просто нечленораздельный рев рукопашного боя, с другой — молитва... И знамения. К сожалению, в сухих докладах особистов нет четкого определения того, что увидели солдаты армии Чуйкова в Сталинграде в самый драматический момент, когда армия уже была рассечена на три части, а немцы вышли к Волге. Но именно это знамение подняло боевой дух и на самом пике битвы, помогло нашим бойцам удержаться. Точным фактом остается другое. В самом разрушенном на территории СССР городе, Сталинграде, среди немногих уцелевших зданий (3% от всего фонда) оставалась церковь в честь Казанской иконы Божией Матери с приделом преподобного Сергия Радонежского. Совпадение, скажет кто-то. Знамение Божие, скажет другой. Я уже упоминал о том, что многие бойцы видели в гари над Прохоровском поле знамение Креста. В другом месте Курской дуги целая рота солдат видела Божию Матерь, и, по свидетельству фронтовика, все упали на колени вместе с командирами. Заступница Усердная указывала путь нашему воинству.

Позволю себе завершить мой рассказ словами из проповеди фронтовика и признанного православного старца архимандрита Кирилла, который не раз предупреждал нас об опасностях нашего времени: «Сейчас так тонко обрабатывают сознание, действительно так постепенно, постепенно сознание переродят... Дьявол борется с Богом. Богоборцы... богоборцы... Они новый век уже называют «новым веком». Новый век, новая жизнь, новые законы... Этот век будет веком тоталитаризма» (из проповеди 10.01.2001 г.). И он же учит: «Каждому человеку есть призвание от Бога». Важно его услышать. Понять. И принять служение, как принимали его наши солдаты и офицеры, защищая Великую — не взирая ни на что — Родину!

Литература

1. Журнал Московской Патриархии, 1948. № 1.

Е. Н. Эртнер, г. Тюмень

ОБРАЗ СИБИРСКОГО ГОРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

В творчестве Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка (1852–1912) исследователи обычно выделяют два основных «тематических русла»: тему интеллигенции и «уральскую летопись». Тем не менее авторы «Очерков русской литературы Сибири» впервые ставят вопрос о своеобразии сибирской темы в художественной интерпретации писателя. При этом они замечают: «Мамин считал себя «сибиряком», так как родился в Висимо-Шайтанском заводском поселке, расположенном в Верхотурском уезде, а Верхотурье в начале восемнадцатого столетия входило в состав Сибирской губернии. Важно и то, какой псевдоним избирает для себя писатель — «Сибиряк» [1].

Но есть и более значительные причины, вызывающие исследовательский интерес к творчеству Д. Н. Мамина-Сибиряка с точки зрения раскрытия сибирской темы. С одной стороны, в его романах, рассказах и повестях возникает образ Сибири как географического, природного, социально-экономического пространства. Его отличает особый нравственный уклад жизни: так в романе «Хлеб» (1895) действие часто происходит в городе Тюмени — центре пароходостроительства, на сибирских реках Иртыше, Туре, Тоболе; в Западную Сибирь отправляются герои романа «Без названия»; в рассказах «Зимовье на Студеной», «Старый шайтан» и других повествуется об обычаях и образе жизни вогулов и т. п. С другой стороны, в творчестве этого писателя, может быть, впервые в русской литературе складывается «живой образ края». Не случайно, объясняя особенности романного мышления Д. Н. Мамина-Сибиряка, Н. И. Пруцков пишет о том, что автору удается «роман о целом крае, о потоке жизни» [2].

Интересно, что сам Мамин говорил о себе как о художнике «еще нарождающегося отдела беллетристики — областного» (1886). И потому, может быть, для Михаила Пришвина Д. Н. Мамин и его

творчество ассоциируются с национальным чувством, родиной: «Не надо гоняться за Александром Невским или выкапывать «Слово о полку Игореве». Достаточно развернуть любую книгу Мамина, понять — и родина будет открыта. Современники не поняли Мамина потому, что в любой его книге культура Отца — Патриотизм»[3].

«Открытие родины» у Мамина, несомненно, происходит и на уровне изображения мира природы. Тем более, что понятие это для писателя — одно из важнейших, так как включает в себя не только представление о гармонии и красоте [4], но и выступает в качестве «конфликтного» по отношению к миру человека явления.

Вряд ли можно согласиться с авторами работы «Сибирская тема в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка», которые рассматривают роман писателя «Хлеб» вне его сибирской конкретики, совсем не упоминают о романе «Без названия», рассказе «Зимовье на Студеной» и т. д. [5].

Олицетворением Сибири в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Без названия» (1894) становится образ Ермака. Мотив пути, реализующийся в путешествии Окоемова сначала в уральские, а потом и сибирские земли перекликается с мотивом «покорения Сибири» Ермаком. На это указывает и напряженный поиск заглавия к роману. Мамин перечеркивает в «Записных книжках» названия «Богатырь» и «На Восток», желая избежать в этом случае слишком явных аналогий. И тогда роман получает необычный заголовок — «Без названия», а мотив «покорения новых земель» воплощается в имени Окоемова — Василий Тимофеевич — тезки Ермака. Вопрос об историческом имени Ермака до сих пор вызывает споры среди исследователей. Из пяти существующих вариантов Мамин-Сибиряк выбирает имя Василий, и в его очерке «Покорение Сибири» Ермак назван Василием Тимофеевичем [6].

Подобно Ермаку, Василий Окоемов отправляется в Сибирь с целью завоевания новых земель. После поездки в Америку Окоемов решает доказать миру, что и русский интеллигент («лишний» человек) способен в деятельности реализовать свой высокий нравственный потенциал. Тема освоения новых земель в романе переплетается с темой пробуждения личности.

В героях Мамина-Сибиряка «растворены» и «действуют» самые разные начала: социальный, исторический, природный, национальный миры. Интересный прием использует писатель в романе «Без названия». Путешествуя по России, его герои «наблюдают» портреты русских лиц, встречающихся им. Воссоздавая эти портреты, автор отмечает проявляющиеся черты нации: русской, башкирской и т. д.; и черты жителей конкретного края: Урала, Сибири, Центральной России: «Начали попадаться типичные сибирские физиономии — скуластые, ширококостные, узкоглазые. Окоемов про себя любовался этими квадратными лицами, окладистыми бородами, недоверчиво-упрямыми взглядами — все говорило о сибирском упрямстве и промысловой хитрости. Это были отдаленные потомки новгородских землепроходцев. Сказывалась страшная боевая закваска, унаследованная, может быть, еще от разбойничьих шаек новгородской вольницы» [7]. Как видим, в сибиряке «говорят» Восток и Запад. Кровосмешение народов Востока и новгородской вольницы и породило такое понятие, как сибирский характер. Склад мышления сибиряка, отношение его к «пришлым» во многом обусловлено историческими причинами: «Это была какая-то органическая сибирская подозрительность, воспитанная тяжелым опытом невольных сношений с ссыльными бродягами и вообще с подозрительными людьми, которых европейская Россия так охотно отдает Сибири в течение нескольких сот лет» (Т. 5, с. 389).

Писатель отмечает последствия освоения Сибири как результат создания из нее края ссылки и казни. В произведении изменяется содержание понятия «пришлый»: Сибирь, в представлении Мамина, теперь такое же укорененное место, как и центр России. А потому пришельцем является не сибиряк, а, напротив, сам «завоеватель». «Авторский взгляд» совпадает не с точкой зрения «коренного россиянина», а сибиряка.

В романе постоянно подчеркивается противопоставление жизни центра России — Москвы — и новых уральских и сибирских земель, с их подлинной «нравственной неизжитостью». В центре России вырождается и человек, и земля: «Все было так бедно, убого и жалко. Оживляли картину только белые церкви, стоявшие среди этой равнины, да несколько фабрик. Поезд мчался по фабричной области, по московскому суглинку. И ехавшая в вагоне публика была такая же серая и убогая, как ландшафт — фабричные, кустари, разные «услужующие». (Т. 5, с. 292-293) Гармония человека и природы, еще сохранившаяся в Сибири, способна исцелять, как это и происходит с героями романа, ибо (с позиции Мамина) родовые черты Руси также более присущи природному человеку сибирской глубинки: «Только привольный край мог создать такое население», или, например, об одном из персонажей: «Да, это спал здоровый сибирский человек, не знавший, что такое нервы» (Т. 5, с. 357).

Контраст двух пространств России проявляется и на уровне мотива «другого»: «Весь уклад сибирской жизни был другой, и деревня другая, и мужик другой, и по-другому все думали. Взять хоть тех же сибирских людей, как отец Аркадий, или Утлых, — за ними стоял целый исторический период, придававший свою окраску... Новый край, с его несметными сокровищами, просто пугал Окоимова» (Т. 5, с. 359).

Сила сибирской земли проецируется на человека, это замечают москвичи, отправившиеся осваивать новые земли. «Другое» мыслится в романе как «чужое», не случайно «новый край» пугает Окоимова. Оговоримся попутно, что в тексте художественного произведения концепция, логический тезис и т. д., тем более если они принадлежат тому или иному персонажу, не всегда разделяемы автором. Кроме того, роман — вовсе не публицистическая статья, в которой суждение равно самому себе. Но произведение Мамина-Сибиряка « Без названия» написано в форме романа -трактата, Окоимов выступает в роли «персонажа от автора». Именно ему автор часто «доверяет» свои мысли.

В романе намеренно «сталкиваются», вступают в своеобразный поединок герой — предприниматель, необычайно активный человек (Окоимов), который о себе заявляет: «Я поклонник силы, личной энергии,» призванный «открывать новые пути промышленности» (Т. 5, с. 381); — и сибирская земля, в которой «слишком уж много благоприятных условий для деятельности» (Т. 5, с. 359). Этот своеобразный конфликт — состязание «земли» и человека позволяет автору показать процесс воздействия человека на землю и, обратный, — земли на человека.

Природа Сибири в произведении — совершенно иная, в ней чувствуется мощь, сила, она всегда остается «вечно юной»: « Сибирский кедр — это могучее дерево стояло такое зеленое, пышное, красивое неувядающей красотой... такая нетронутая глушь» (Т. 5, с. 318-319).

Человек бросает вызов земле (Окоимов и другие), присваивая себе ее сокровища, заставляя «работать на себя». И постепенно артельщики привыкают к новому месту, обживают его. Основная задача, которую ставит перед собой герой, — доказать, что русский человек способен из созерцателя превратиться в деятеля, -оказывается вполне разрешимой. И к концу романа персонажи романа обретают ощущение дома : «Каждый начинал чувствовать себя д о м а — это великое чувство, которое дает смысл жизни». Сибирская земля принимает изгнанников.

Но человек не в силах сегодня «исчерпать» судьбу Сибири, полностью освоить эти земли. Размышляя об этом, Василий Окоимов замечает: «Вся Сибирь в будущем. И даже страшно подумать об этом будущем. Настолько оно грандиозно, начиная с неисчерпаемых сибирских сокровищ... И мы с вами являемся своего рода пионерами, хотя и с очень скромной задачей. Грандиозные дела не делаются вдруг...» (Т. 5, с. 317).

Теперь уже россиянин осознает необходимость приобщиться к сибирской земле и природе: он ищет признания этой новой земли.

Жизнь героя заканчивается в романе трагически: он умирает от застарелой болезни сердца. Герой не рожден на сибирской земле, следовательно, и не обладает ее жизненной силой. Да и одной человеческой жизни недостаточно для столь великого дела, доступного лишь «особенному сибирскому народу». Дело Окоимова продолжит его сын Василий, в котором есть сибирская кровь (жена Окоимова — сибирская раскольница). Так, явственным в тексте становится мотив единства коренной и сибирской Руси.

Символична в романе картина смены времен года, когда зима с трудом уступает дорогу весне. Долго и трудно привыкали люди к необжитому месту, также медленно менялось их настроение, отношение к «общему делу». Утверждение повествователя : «Хозяйственное колесо разом повернулось» — раскрывается в метафорическом описании весеннего половодья: « Зима держалась крепко, и первые темные дни сменились «отзимьем», то есть новым снегом... Последнее приводило всех в молчаливое отчаяние... Но вся картина быстро изменилась, когда «тронулась» вешняя вода и сугробы сибирского снега таяли с поразительной быстротой... Целые караваны вольной птицы потянулись к далекому милому северу... »(Т. 5, с. 430). Мотив преображения связывается в произведении не только с образом природы (еще нет расцвета, а есть пробуждение), но и судьбой человека. И в этом смысле можно говорить о новизне, своеобразии трактовки темы человек и природа Д. Н. Маминим -Сибиряком.

Одновременно в романе предстает и традиционный миф о Сибири — сказочном месте, крае изобилия: «Какой случай вышел однажды... Есть тут недалеко от Тюмени завод Успенский. Ну, там до воли была каторга и казенный винокуренный каторжный завод ... Только однажды по весне и прорви плотину, значит, в половодье. Что бы вы думали, они сделали, то есть начальство?... Земля то еще не успела оттаять, так что чинить прорыв долго, а вода из заводского пруда уйдет. Подумало-подумало каторжное начальство, прикинуло в уме и велело забучить провал пшеницею из своих складов. Факт...

Оно вышло дешевле и скорее, чем мерзлую землю добывать. Вот какое время бывало... Рассказывать, так не поверят.» (Т. 5, с. 356-357).

Устный рассказ-предание имеет свой традиционный зачин: «Какой случай вышел однажды», и концовку — «выход» из истории: «Рассказывать, так не поверят». Заметим, что в данном случае обе легенды, обычно друг другу противостоящие в русской литературе XVIII–XIX веков, присутствуют в тексте: Сибирь как место ссылки и каторги и Сибирь— фантастический край сокровищ.

В романе Мамина «Хлеб» (1895), как правило, картины природы «увидены» глазами главного героя — Галактиона Колобова, реже — его отцом или Ечкиным. Даже когда описание природы дано повествователем, «голос» его, оформление «слова» эмоционально восходит к излюбленной лексике героя. В природе Галактион различает близкое, родственное себе начало: «Вот это так место! — проговорил Галактион... Действительно, картина была замечательная. Глубокий Тобол шел по степи «в трубе», точно нарочно прорытой канаве... А я бы так не ушел отсюда, — думал он вслух, любуясь местом. — Ведь что только можно здесь сделать. Отсюда во все стороны дорога: под Семипалатинск, в степь, на Обь к рыбным промыслам. Работы хватит!», «Галактион смотрел на Тобол с чувством собственности, как на лошадь-новокупку».

Герой любит то, что намерен использовать, превратить в деньги. Заметим, что герои русского романа XIX века природой любовались по — другому, без намерения обратить красоту природы «в пользу и выгоду». «Взгляд» на природу персонажа романа Мамина позволяет обнаружить в нем черты нового героя времени: практика, деятеля, хозяина.

В романе Мамина-Сибиряка Тюмень предстает как город на великом сибирском пути, как символ пространства, на которое должна быть направлена огромная «преобразующая сила». Именно здесь Галактион встречается с другой «преобразующей края силой» — Ечкиным, выслушивает его планы, здесь, едва ли не впервые за всю историю их любви, Харитина и Галактион (оба — яркие, сильные натуры) чувствуют взаимопонимание, разделяют взгляды друг друга.

Интересно, что историческое выдвигание Тюмени, ее быстрое промышленное развитие по сравнению со столицей Сибири — Тобольском — было замечено еще этнографом и писателем С. В. Максимовым в статье «Лесные города». В 1881 году он пишет: «Здесь в 1587 году основан был Тобольск, «царствующий град» всей Сибири, к настоящему времени и в свою очередь успевший вместе с Верхотурьем также захудать по закону всех северных городов в пользу южных (Тюмени, Омска, Томска)»[8].

Чувства и мысли Колобова раскрывает сцена ожидания навигации и картина бурного весеннего вскрытия реки Туры. По традиции «снежная зима», «скованные льдом реки» передают ощущение сна, статики, полного отсутствия движения. Сибирь — далекое место, не развитое в промышленном отношении, противопоставляется центральной России. В романе «Хлеб» в отличие от «Без названия» мотив противопоставления получает иную интерпретацию: «В «коренной» России благодаря громадной сети железных дорог давно уже исчезла зависимость от времен года, а в Сибири эта зависимость сохранилась еще в полной силе. Весной это особенно чувствовалось, когда замирал сибирский тракт...» (Т. 6, с. 321).

Становится очевидной прямая зависимость человека от природы в том месте, где следы цивилизации менее заметны. Образ человека — творца, деятеля необычайно привлекает автора: «В Тюмени он (Галактион) кстати захватил первый груз, который застрял там из-за распутицы и пролежал бы долго, пока просохнут дороги. Это было доказательство его права на существование» (Т. 6, с. 289).

Как и в романе «Без названия», в этом произведении Мамина обращает на себя внимание мотив «создания нового места». Человек посягает на роль «завоевателя» земли, в которой скрыта великая сила: герой романа призван стать «ее освободителем». Галактион Колобов старается обрести независимость от природы, стать полноправным хозяином земли.

Но ключевым в тексте романа оказывается мотив «перекрестка», «истока великого пути». Тюмень олицетворяет Сибирь: важны ее пространственное положение — «ворота Сибири» (мотив во многом традиционный для литературы 18-19 вв.), «отворяющие» водную дорогу и сибирский тракт, а чуть позднее и «чугунку»; и временное — «первый русский город Сибири». Наконец, значение города как хозяйственного и экономического центра, так и места ссылки, изгнания, создают в представлении Мамина образ «особого пространства», где сходятся прежде всего «концы» и «начала» истории. Образ этот многолик и каждый раз раскрывается в романе перед читателем с новой стороны.

Любимым приемом, можно сказать, своего рода каноническим стилевым оборотом, позволяющим автору утвердить «типичное», сложившееся в жизни края, становятся сравнения: «как все сибирские

реки», «как и в других домах сибиряков», «по сибирскому обычаю», «как положено сибирской заповедью» и т. д. Обращает на себя внимание то, что тем самым автор придает образу Сибири единство, отмечает своеобразие устройства бытия на сибирский манер. Писатель подчеркивает, что люди поступают так, а не иначе, потому что таков уклад жизни их дедов, а все они вместе — его и создают.

Мотивы «перекрестка» и «устоев», казалось бы, взаимоисключают друг друга, как дом и дорога, статика и движение; тем не менее, переплетаясь, они и помогают воссоздать сложный образ города, да и всего края в целом. Это состояние мира перед «вскрытием» бурной реки, когда вода тиха и покойна под белым настом, но вот еще мгновение — и все стронется с места, забурлит и понесется. Удастся ли остановить? И что будет при этом с человеком?

Метафорическая картина весеннего половодья в произведении, символика промышленного пробуждения края в произведении Мамина-Сибиряка заслуживают внимания. Сопоставление с этой точки зрения двух избранных нами романов позволяет понять, что мотивы «перекрестка», «устоев» — своеобразные лейтмотивы в творчестве писателя. Они проецируются на конфликт произведения, организуют его, и во многом обуславливают трагический финал.

Герой романа — Галактион Колобов, подобно Окоемову («Без названия»), вступает в состязание с землей, пытается пробудить в ней дремлющие силы. И это ему удается: он становится известным пароходоладельцем, одним из самых уважаемых и богатых людей в Заполье. Мечта самоосуществления, казалось бы, сбылась. Тем не менее в конце романа Галактион кончает жизнь самоубийством. Исследователи произведения спорят, пытаясь разгадать авторский замысел. Часто они приводят в качестве причины самоубийства героя «злую волю» писателя, который просто «не знает, что дальше делать с героем»: персонаж до конца исчерпывает себя в романе и потому должен удалиться со сцены.

Образ Галактиона более всего «созвучен» в романе сибирской реке: ее бурный «темперамент» сродни характеру персонажа. Не случайно чаще всего герой размышляет о своих планах, глядя на реку (Ключевую, Тобол, Туру и др.). Водная стихия побуждает его на поступок. Вспомним, как долго ожидает Галактион открытия навигации в Тюмени. Но саму картину весеннего паводка герою увидеть не дано. Ночью, когда Колобов спит, страшный шум вскрывшейся реки слышит Харитина: «Слышалось шипение, треск и такой звук, точно по сухой траве ползла какая-то громадная змея... сделалось страшно до слез...» (Т. 6, 395).

Конечно, героиня интуитивно предвидит трагический конец возлюбленного, и сцена как бы «готовит» к нему читателя. Но, с другой стороны, ее функция в повествовании шире: природа оказывается сильнее человека. И не только земля, ее стихия, противостоят личности, но и та природа, которая «говорит» в самом человеке. Становясь промышленником, бросая вызов обществу и собственному роду, Галактион разрушает в себе какие-то нравственные основы: этические, религиозные «устои».

Человек не может полностью быть уподоблен природе, вдруг измениться, стать полностью другим. Романтическая любовь Галактиона к Устиньке, в отличие от его любви — страсти к Харитине, — попытка вернуться к самому себе. Но и она оказывается для героя невозможной. И следующим на пути «возвращения к себе» станет самоубийство. В исследованиях, посвященных творчеству Мамина-Сибиряка, неоднократно звучало утверждение, что писатель «воспринимает природу как большое хозяйство», и «не случайно сравниваются природные явления и деятельность человека» в его произведениях [9]. Но в том-то и дело, что такого «сравнения» человек не выдерживает. И Галактион не может стать подобным реке, все сокрушающей на своем пути: как человек он должен задумываться о последствиях. Следовательно, с точки зрения Д. Н. Мамина-Сибиряка, человек и не способен, и просто не должен вдруг становиться хозяином природы. Как и природа, человек, в представлении писателя, «носит» в себе внутреннюю конфликтность: «устои» и жажду деятельности, во многом сокрушительную для мира. И как в природе, конфликтность эта в герое интересна и неизбежна, но и трагична: с ней связаны и смерть, и обновление.

Литература

1. Сибирская тема в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка // Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982. С. 501.
2. Пруцков Н. И. Русская литература и современность. Л., 1965. С. 32.
3. Пришвин М. М. Мы с тобой. По Дневнику 1940 года // Дружба народов. 1990. № 6. С. 251.

4. См.: Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. 2-е доп. изд., Свердловск, 1981, с. 58; Миночкина Л. И. Природа в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка для детей // Седьмые Бирюковские чтения. Челябинск. 1987. С. 101-102.
5. Очерки русской литературы Сибири. С. 501-508.
6. Тема завоевания Сибири в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка звучит и в «Сказании о сибирском хане, старом Кучуме» (1891), очерке «Покорение Сибири» и других.
7. Здесь и далее ссылки на романы Д. Н. Мамина даны в тексте на основании издания: Мамин Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч. в 6-ти т. Т. 5. 1981. С. 316.
8. Максимов С. В. Лесные города // На русской земле. М., 1989. С. 289.
9. Груздев А. И. Д. Н. Мамин-Сибиряк. На пути к реализму. Свердловск, 1963. С. 68.

И. Антанасиевич, г. Белград

СОВЕТСКИЕ ТЕМЫ В КОМИКСЕ КОРОЛЕВСКОЙ ЮГОСЛАВИИ

Рассматривая историю появления комикса в королевстве Югославия, пытаюсь выделить, описать и систематизировать основные специфические черты, присущие ему, а также перечислить механизм и способы сюжетной переработки известных литературных текстов, которые «переводились» на другой художественный язык, переходили в сферу иной художественной формы, мы можем заметить, что темы, которые выбирались в качестве основы для сюжета комикса, можно условно поделить на две группы. Это темы, на основе которых создавался авторский комикс (или полностью оригинальный, или опирающийся на какие-то, чаще всего, европейские образцы) или же адаптации (классической литературы или произведений народного творчества).

Но наш интерес (поскольку речь идет о художниках, представителях русской эмиграции), вызывают советские темы в качестве основы для сюжета комикса. Исследовать такие комиксы интересно не только для того, чтобы провести анализ адаптации. Они дают широкое поле для размышлений культурологического характера: о восприятии советской России (затем Советского Союза) в эмигрантской среде, о влиянии создающихся в то время советских культурных моделей на культуру эмиграции и пр. Так, уже второй самостоятельный комикс-роман «Луч смерти» (Зрак смрти) (первым югославским графическим романом, не опирающимся на заимствование, был роман «Кровавое наследие» (1934) являлся очень свободной авторской интерпретацией романа Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина». Авторами этого роман были два друга, два побратима — Джордж Лобачев и Вадим Курганский, которые свое детище подписали как — Джордж Стрип (Џорџ Стрип) и Владимир Чилич (Владимир Цилић). С тех пор жанр комикс романа получит в сербском языке название — стрип, а сам Лобачев до конца своей жизни будет носить прозвище — Джоле Стрип.

Комикс Лобачева и Курганского «Луч смерти» открывал первый номер специализированного комикс-журнала «Стрип» — журнала, выходившего как бесплатное приложение к газете «Политика». Просуществовав сравнительно недолго, журнал чрезвычайно повлиял на популяризацию комикса, который стал восприниматься не только как исключительно детский жанр. Именно этот комикс укрепит «репутацию» комикса как вне возрастного текста для развлечения.

Это не единственный роман, сюжет которого был взят из произведений советских фантастов: в 1935 году художник Андрия Маурович на основе романа А. Толстого «Аэлита» создает комикс «Любовница с Марса» (Љубавница с Марса), а чуть позже в 1936 году Норберт Нойгебауер по мотивам «Человека-амфибии» А. Беляева рисует комикс «Морской дьявол» (см. рис. 1).

Интересная «советская» тематика есть и в творчестве Николая Навоева, который в самом начале своей карьеры создает для журнала «Стрип» комикс „Великий комбинатор Бендер« по роману Ильфа и Петрова «Золотой теленок». Комикс принадлежит раннему периоду творчества Навоева: он еще совсем «сырой», еще не выработан узнаваемый авторский стиль, плох и не до конца последовательно сделан сценарий, который Навоев писал лично, но для нас он представляет особый интерес — это пер-